

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА С ВЯЧ. ИВАНОВЫМ

Публикация Н. В. Котрелева

Неровна линия отношений Блока и Иванова: заочное знакомство по стихам в 1903—1904 гг. и личное в 1905-м; взаимное увлечение с конца 1906-го; единомыслие, когда в 1907-м стан символистов раскололся надвое; еще более тесное сближение в конце 1908 г., когда стало видно, как сродни их размышления о России и ее народе; отстаивание «заветов символизма» и снова общие раздумья о судьбах Родины в 1910—1911 гг. — эта линия доверия и взаимопонимания осложняется время от времени отталкиванием Блока от Иванова. Резко разошлись они в начале 1912 г., когда Блоку представились бессодержательными и кощунственными все попытки обновления символизма, а Иванов счел за надругательство над общими святынями «Возмездие»; к этому времени относятся самые суровые слова Блока о еще вчерашнем собрате в чаяниях и духовных исканиях: «Атмосфера В. Иванова сейчас для меня невысказанна» [1, т. 8, с. 384] — и три недели спустя убийственный отзыв о статье Иванова «Мысли о символизме» [там же, с. 387]. Затем годы «отдаленности, когда ощущаемая обоими внутренняя связь практически не находила себе выражения; неприятие Ивановым «Двенадцати», — и новое сближение уже летом 1918 г. в «Алконосте» и «Записках мечтателей», последний раз собравших вместе «младших, символистов».

В этой связи — как бы в скобках — необходимо оговорить одну неточность С. М. Алянского, поскольку речь идет об атмосфере последней встречи под общим знаменем Блока и Иванова. Мемуарист рассказывает, что Иванов, словно для испытания доброй воли начинающего издателя, предложил ему напечатать свои стихи 1917—1918 годов — «Песни смутного времени». На следующий день Алянский, познакомившись с этими «злыми» произведениями, будто бы решил отказаться от публикации, хотя отказ означал на деле провал всего издательского замысла; однако Иванов сам отступился от предложения, выведя Алянского из безнадежно печкотливого положения [см. 3, с. 54—59]. Историю с «Песнями смутного времени» Алянский сжимает в одни сутки, но этой версии противоречит факт: стихи Вяч. Иванова были приняты «Алконостом» и в каталоге его изданий числятся среди готовящихся к печати [см. 4, нумерованная страница объявлений]. Решение Иванова следует отнести к более позднему времени; Блок не мог не знать и самые стихи Иванова, поскольку имел комплект журнала «Народоправство», где они печатались [см. 1, т. 7, с. 274, 299, 411], и уговор об их печатании под маркой «Алконоста» (ср. у Алянского: Блок «заставил меня вспомнить все слова, которые говорил Вячеслав Иванов» [3, с. 59]). К «Песням смутного времени» Иванов не возвращался и в последнюю свою книгу, вышедшую посмертно, их не включил.

В общих чертах история взаимоотношений — личных и отчасти творческих — двух поэтов уже не раз рассматривалась [см. 5, т. I, с. 161—165, т. II, с. 728—732]; [6]; [7, с. 200—206]; [8]. Полная картина их, осмыслен-

ная в частности и в целом, — задача будущего. Плодотворным будет и сравнительный анализ творческого наследия Блока и Иванова, и самое кропотливое, педантичное обсуждение многих упоминаний, связывающих два имени в газетной хронике, в мемуарах современников, в переписке третьих лиц. Без этой критики источников мы не сможем увидеть и понять совместный путь Блока и Иванова сквозь литературу их эпохи. Дело в том, что в томах сочинений Иванова и Блока материала, позволяющего воссоздать их отношения, сравнительно немного. Они мало говорили друг о друге в печати; редко упоминали друг о друге в дневниках и записных книжках, немногим чаще — в письмах.

Мало помогает исследователю и переписка Блока с Ивановым: она сама по себе непоправимо фрагментарна, хотя и сохранилась, кажется, достаточно полно. Всего известно 21 письмо Блока к Иванову и 1 к его падчерице, В. К. Шварсалон; 17 писем Иванова к Блоку, 2 — жены Иванова, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, и 1 — М. М. Замятниной, друга и домоправительницы Иванова, писанное по его просьбе. Все письма Блока к Иванову опубликованы [см. 6¹; 10; с. 82], выдержки из писем Иванова цитировались в разных изданиях. Безусловно, каждое из этих писем само по себе ценно. Но, к сожалению, почти все они — краткие записки бытового или узко делового свойства. И они не вытягиваются в единую хронологическую цепочку, в связанный диалог на бумаге. В этом, правда, есть свой интерес для ученого. Эпистолярное наследие прошлого мы почти всегда рассматриваем как вспомогательный источник фактических данных к историко-литературным штурмам, в лучшем случае как прозаической памятник. А ведь в каждой корреспонденции есть свой стиль, не в смысле стиля литературного и даже стиля словесного поведения, избираемого при общении конкретного отправителя с конкретным адресатом. Эпистолярное общение как одна из форм культурного поведения имеет собственную типологию, где значимыми оказываются самое предпочтительное разговора на бумаге разговору личному или по телефону, доставка письма с рассыльным или заказным, самый объем послания, подчинение пишущего формату бумаги, титуляция и многие другие элементы.

Почти вся переписка Иванова с Блоком вызвана внешними обстоятельствами: невозможностью встречи, необходимостью перенести ее день или час и т. п.; единственным надежным каналом связи — словно подчеркивает переписка — мог быть между этими двумя людьми личный разговор. Отсюда в коротеньких деловых записках — особенно с блоковской стороны — такая неподдельная доверительность, постоянные указания на самые сокровенные переживания, оговорки беглые, но безусловно понятные и несомненно убедительные для адресата. Но в Иванове-корреспонденте (и не только с Блоком, а и вообще) была счастливая особенность: он словно обдуманно жестом, словно после специального рассуждения умел непременно закрепить на бумаге — для себя ли, для будущего ли — важнейшие моменты своих отношений с другими людьми. И вот бытовые штрихи и подробности всей переписки Блок — Иванов оттеняют глубокую значительность нескольких писем, особенно второго, шестого, девятого и десятого, из отобранных нами для публикации на страницах журнала.

Письма отражают, собственно, всю историю отношений Блока с Ивановым до перелома в 1912 г. Но названные четыре особо важны, поскольку предельно убедительно показывают, что связывало Блока и Иванова сходство, порою казавшееся Блоку и тождеством², в подходе к главным

¹ С сожалением приходится отметить, что эта публикация выполнена не на должном текстологическом уровне, вплоть до пропуска слов и неверного их прочтения.

² См. его письмо к Иванову от 7 марта 1909 г. о своей будущей статье «Дитя Гоголя»: «Я хочу, разумеется, говорить около темы «Гоголь и Россия» (<...> не хотите ли, чтобы я приехал к Вам сговориться: боюсь совпасть с Вами чуть ли не текстуально, а это уже будет нехорошо. Если же мы будем говорить различно, но в области одной темы, это будет даже лучше» [6, с. 374].

темам их творчества — Россия, народ и интеллигенция, народ и художник, народ и реальное «я» художника, судьбы символизма как художественного метода и школы, мастерами которой оказались Иванов и Блок. Собственно говоря, все эти темы и в этих письмах, и в других материалах, во всем творчестве обоих поэтов предстают в неразрывном живом сплетении, одну, единую темой. Потому-то, как справедливо пишет Е. В. Ермилова, «для выяснения центральной линии символизма очень важна проблема „Блок — Иванов“, важнее даже, чем проблема отношений Блока с Белым [7, с. 200].

Е. В. Ермилова далее говорит: «Сложность отношений Блока и Вяч. Иванова заключается в том, что их развитие осуществлялось как бы по параллельным линиям, но в разных плоскостях». Однако это справедливо в конечном счете. Пусть у Блока с Ивановым «не было таких явных точек пересечения, как у Блока и Белого» [7, с. 200] — тем более важно выявить неочевидные на первый взгляд не точки, а линии пересечения действительно разных «плоскостей» Блока и Иванова. И тогда мы увидим, что они были друг для друга часто ферментаторами и катализаторами творческих процессов. Так было с ивановской статьей «О русской идее» [см. 7, с. 201]. Так было с блоковской речью «О современном состоянии русского символизма», верно понять которую невозможно помимо едва ли не построчного сопоставления ее с докладом Иванова «Заветы символизма». В самом деле, Блок в своем ответе Иванову наполнил «математическую формулу» [1, т. VIII, с. 308], «на первый взгляд отвлеченные» положения основного доклада, с которыми он был «согласен», исповедью своего личного духовного и художественного опыта, ибо принадлежал «к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за <...> словами» Иванова [1, т. V, с. 426]. В глубоко личном блоковском истолковании поднятых Ивановым проблем можно выделить два аспекта, на деле неразрывных, но сохраняющих в себе возможность и необходимость раздельного их рассмотрения. Прежде всего — неизменный блоковский подход от собственного опыта к вопросу о судьбах русского символизма (и Иванов тонко учитывает постоянную установку Блока на исповедь: «...не бойтесь быть откровенным и удалиться от границ моего доклада»). Оттого столь подробно и настойчиво в статье развивается тема «об ужасном в искусстве — о его проклятиях», оттого и второй вопрос, связанный с докладом Иванова: «... будет ли *искусством* то желаемое (истинная теургия, миф)» [2, с. 169], если оно, разомкнув горизонт уединенной личности, перестанет быть неизбыточным, неотчуждаемым проклятием, выделяющим ныне, как родовой признак, всякого художника; отсюда же и еще один вопрос: «только художник», т. е. тот, кем и только кем хотел бы мыслить себя в эту пору Блок, «может ли совладать с *подвигом*» [2, с. 170]. В этих вопросах — ядро блоковской экспозиции его собственного прошлого и мучающей данности, жизненной современности. В плане будущего и в плане возможного, но должного (хотя также и переживаемого как объективная данность) поставлен четвертый вопрос: «... нам не совладать с этим желанным (не совершить подвига), а с ним совладеет народ» (там же). Отсюда уверения Иванова: «Ведь и я все это говорю о народе и нас» (по этой реплике ясно, что основные тезисы Блока уже обсуждались в его разговорах с Ивановым). Как мы видим, Блок сознательно заостряет проблему, поднятую в статье Иванова, но не попавшую в ее фокус, — вспомним слова Иванова о спасении «символической энергии слова» от «порабощения долгими веками служения внешнему опыту, благодаря религиозному преданию и охранительной мощи народной души»; его мысль о том, что, «если бы символисты не сумели пережить с Руссией кризис войны и освободительного движения, они были бы медью звенящей и кимвалом бряцающим» [11, с. 132, 137]³. Да и самая коренная концеп-

³ Ср. последнее высказывание Иванова с тем, что он говорит о Блоке в цитируемой ниже статье из английского журнала.

ция у Вяч. Иванова языка искусства как языка общенародного была одним из подходов к проблеме «художник и народ», ствол животрепещущей для Блока.

В связи с только что сказанным необходимо подчеркнуть, что Иванов одним из первых осознал непосредственную связь лирики Блока с самыми глубокими и самыми жизненно-конкретными движениями в русском народе. Свидетельство тому, например, в упущенной из виду всеми, кажется, исследователями заметке Иванова о «Ночных часах» из английского журнала «The Russian Review». Этот беглый набросок, как будто бы первое впечатление от книги, на самом деле вполне сохраняет общий строй ивановских представлений о поэзии, и явным предстает соразмерность и соприсродность этих представлений лирике Блока: «Поскольку в истинно лирическом сознании всегда слышно волнение души народной, мы должны заключить <из чтения новой книги Блока.— Н. К.>, что русская душа все еще глубоко омрачена, все еще страдает нравственными ранами, нанесенными войною и крушением великих надежд, которые ее смущенная вера связывала с днями так называемого «Освободительного Движения». В душе поэта поселяется мрачное сомнение в судьбах его страны; и вот духовным взором провидит он близящийся натиск монгольской силы; снова должно повториться Куликово поле; еще раз на поле брани мы должны отстоять наши сокровенные святыни от темных и многочисленных азиатских полчищ. Но сломлены крылья духа <следует цитата из стихотворения Блока «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»— Н. К.>. Но, сколь ни болезненны эти переживания, они, в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровый росток. Этот росток — страстная всепоглощающая религиозная любовь к стране. Это — сомнение верующего, не отчаяние безверья. Неудовлетворенность настоящим, ужас перед будущим скрывают мистическое семя, которое, когда оно умрет и прорастет в земле, принесет зерно освобождения духа, великого национального движения к святыням народным» [12, с. 148—149]⁴.

* * *

Для настоящей публикации отобрано 8 писем Вяч. Иванова; их подлинники (кроме одного) хранятся в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 33). Автограф второго письма находится в ГПБ (ф. 77, № 9); по неизвестной нам причине это письмо еще при жизни Блока «отколосось» от основного собрания писем Иванова, — во всяком случае, его не было у поэта под руками, когда он, наводя порядок в своем архиве, разложил ивановские письма по датам и пронумеровал их.

Вместе с письмами Иванова мы перепечатаем три прежде опубликованные записки Блока⁵, они позволяют нам услышать подлинный «разговор» двух поэтов.

⁴ История этой заметки (вместе с двумя другими — «Посмертные произведения Толстого» и «Константин Бальмонт», составившей написанную Ивановым для журнала «Литературную хроника») раскрывается в письмах к Иванову одного из редакторов «Русского обозрения» — Б. Перса и его поверенного в России В. Ф. Гейдинга (ГБЛ, ф. 109). Заметка Иванова не зарегистрирована даже в библиографии английской блокнаты такого специалиста, как А. Пайман [см. 13, с. 557 и сл.], хотя является, по видимому, первой статьёй о Блоке по-английски (цитата у нас дана в обратном переводе, оригинал неизвестен).

⁵ Письма пятое и одиннадцатое — см. [6, с. 376, 377]; письмо восьмое — см. [10].

1. ИВАНОВ — БЛОКУ

*〈Петербург. 1907 год,
первая половина февраля или марта.〉*

Дорогой Александр Александрович,

был у Вас, чтобы проведать и узнать как Вы и что, — был, признаюсь, обеспокоен за Вас полученным письмом; ведь последнее время я Вас не вижу и как-то не чувствую Вашего *текущего* момента. Вы же о том не беспокойтесь, о чем пишете. Знайте еще, что я люблю Вас. Клише будет готово на следующей неделе¹. Книжка выйдет к 20^{му}. Лидия Дм<итриевна>² и Модест Гофман³ Вас и Л<юбовь> Д<митриевну>⁴ приветствуют. Очень кланяюсь Любви Дмитриевне. Сожалею, что не застал и ее.

Ваш Вячеслав.

Мне кажется, в 1^м стихотв<орении> надо поправить: я опрокинут (не *запрокинут*) в темных струях⁵.

На письме помета Блока: № 3.

Ответ на неизвестное письмо Блока. По-видимому, его нельзя отнести к январю 1907 г., как это делает В. Н. Орлов, и тем самым соответствующая отметка Блока в «Записной книжке» [см. 2, с. 92, 535] может быть датирована более поздним временем (ср. ниже, прим. 5). В самом деле, последние стихотворения «Снежной Маски», о которой идет речь в письме, равно и черновик предисловия к сборнику, помечены 13 января, и, судя по фразе данного письма, обещающей выход книги к «двадцатому», пришлось бы допустить небывало быстрый выпуск ее в свет (впрочем, 21 января книга уже набиралась в издательстве «Оры» — см. письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к В. К. Шварсалон, публикуемое в разделе «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» третьей книги «блоковского» тома «Литературного наследства»). Таким образом, Иванов, вероятно, имеет в виду 20 февраля или марта, так как 8 апреля 1907 г. «Снежная Маска» уже вышла из печати [1, т. II, 427]. Для безоговорочного отнесения письма к марту 1907 г., как это сделано в «Аннотированном каталоге» переписки Блока [см. 9, вып. 2, с. 234], мы не видим достаточных оснований. Ср. также ниже, прим. 1.

¹ Речь идет о клише по рисунку Л. С. Бакста для фронтисписа «Снежной Маски». 5 февраля 1907 г. художник уведомлял поэта, что «фронтиспис и заголовок» к сборнику «будут готовы 6—7 февраля» [там же, с. 22], что подтверждает нашу датировку публикуемого письма.

² Л. Д. Зиновьева-Аннибал — жена Иванова.

³ М. Л. Гофман (1890—1959) — поэт и литературовед. Познакомился с Блоком через С. М. Городецкого в 1906 г. В том же году Гофман познакомился с Вяч. Ивановым. Начинаящий литератор был приглашен Ивановым в секретари издательства «Оры». В этом качестве он имел ближайшее отношение к выпуску в свет «Снежной Маски». По окончании работы с рукописью Блок подарил ее Гофману [см. 14, с. 121].

⁴ Л. Д. Блок — жена Блока.

⁵ Замечание относится к стихотворению «Снежное вино» («И вновь, сверкнув из чаши виной...»), поправка принята Блоком [см. 1, т. II, с. 211]. В записную книжку Блоком одновременно с этим замечанием Иванова занесено и другое к той же главе, которого нет в настоящем письме: «Улыбка (невинная) — в тяжелозмейных волосах?» Таким образом, запись могла быть сделана и сразу после устного высказывания Иванова (тогда он в письме повторяет свой упрек); если же она современна публикуемому письму, то второе замечание Иванова Блок занес в книжку по памяти [см. 2, с. 92].

2. ИВАНОВ — БЛОКУ

〈Петербург.〉 12.XI. <19>08.

Дорогой Александр Александрович,

Благодарю Вас за только что полученную новую Вашу книгу. Перелистал ее: всюду певучесть и — неизбежность. Любимая «Снежная Маска» опять улыбнулась мне с новых страниц. Что Вы говорите о неминуемом возврате <так. — Н. К \ Прекрасной Дамы, — сжало сердце

радостью и болью...¹ Кажется, что в книге правильно слышана (хотя и не совсем верно передана) какая-то мелодия глубинной русской Души, какова она ныне в ее соборном подпочвенном трепете... Не думайте, что я намекаю на пресловутую «Соборность»²: я хотел сказать о тоске одинокой, живой, женской души нашего народа, нашей земли³. Это, конечно, — высоко ценно; но я желал бы формального преодоления манеры и *soi disant*⁴ стиля наших запойных гиков и взвизгов, равно простонародной гармонике как и пропойно-интеллигентской гитары 40-х годов, неожиданно Вами воскрешаемой. Некрасовщина Вам также не к лицу — *tempi passati*...⁵ Не знаю, понятен ли я? Мне кажется, что и в народничестве Вашем — новое вино: зачем же старые мехи? В общем, опять чувствую опасность (на которую уже указывал): опасность, прозревая и страстно влюбляясь в женскую стихию темной русской Души, отдать ей свое мужское, не *осверлячив* его светом Христовым...⁶ Ведь Вы не цитируете Тютчева до конца: «удрученный ношей крестной...»⁷ А эта строка — не старые мехи. — Но вы, как всегда, едва ли поймете меня до конца — остановитесь, заподозрив в том, другом, Вам чуждом или Вами отвергнутом, до времени..

*Любящий Вас —
далекою любовью —
Вяч. Иванов.*

Написано, когда Иванов ознакомился со сборником Блока «Земля в снегу». Об этом письме поэт писал матери 16 ноября 1908 г.: «Получил я очень хорошее письмо от Вячеслава Иванова о „Земле в снегу“» [1, т. VIII, с. 261]. Одновременно это первый отклик на доклад Блока «Народ и интеллигенция» (см. прим. 3).

¹ По-видимому, Иванов имеет в виду следующие слова Блока из предисловия к его книге: «„Стихи о Прекрасной Даме“ — ранняя утренняя заря (<...>. В утренней мгле сквозит уже Чародейный, Единый Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится мне опять, и тогда пойму, что перегнулась линия жизни и близится закат» [1, т. II, 371—372].

² Осмысляя духовные искания свои и своих современников, Иванов в статьях 1904—1907 годов (но и позже) часто употреблял термин, восходящий — через славянофилов и Вл. Соловьева — к языку патристики: соборность. Слово, именно как означающее слияние духовных и жизненных устремлений отдельных личностей воедино, было подхвачено Г. Чулковым, М. Гофманом в связи с пылкими спорами символистов вокруг проблемы преодоления индивидуализма; оно получило широкое хождение в публицистике и критике тех лет. Безоглядное использование термина у молодых литераторов скоро сделало для их оппонентов — символистов-«москвичей» — самый термин предметом насмешек: знаменательно название одного выпуска З. Гиппиус — «Засоборолись» («Весь», 1907, № 7). Блок очень скоро почувствовал необходимость отмежеваться от сомнительных идейных построений Чулкова, Городецкого и тем более от паразитирующей на внутрисимволистских раздорах «широкой прессы». О «мистическом анархизме» Чулкова и «соборном реализме» Гофмана он писал: «Эти немецкие сочетания не выражают ровно ничего: неудачные статьи Георгия Чулкова и Модеста Гофмана, которыми „философия“ указанных слов (<...> исчерпывается, — еще не создают теории. Я думаю, что писателю с такими кличками и вообще не может существовать» [1, т. V, с. 207]. А подобные попытки осмысления современных социальных процессов и духовных исканий (среди других опять вспомнил «соборный индивидуализм» Гофмана) назвал в статье «Литературные итоги 1907 года» «словесным кафештаном», заявив, что предпочитает ему «кафештан обыкновенный, где сквозь скуку прожигает порою усталую душу печать Буйного веселья // Страстного похмелья» [1, т. V, с. 212]. (Цитируется «Цыганская венгерка» А. Григорьева, что важно в связи с прим. 5). Иванов, для которого понятие о соборности культуры осталось навсегда основой духовных чаяний, под напором девальвации термина у вызвавших к его авторитету молодых литераторов и газетчиков сам стал пользоваться им в статьях 1907—1909 годов весьма осмотрительно.

³ В связи с последней книгой Блока Иванов впервые фиксирует на бумаге важнейшую тему своей метафизики истории. Первый опыт развитой ее постановки — его доклад «О русской идее», прочитанный в декабре 1908 г. в петербургском Религиозно-философском обществе и несомненно соотнесенный с докладом Блока «Народ и интеллигенция», который Иванов (судя по упоминанию цитаты из Тютчева — см. примеч. 6) слышал в день написания настоящего письма — 12 ноября — на предварительном его чтении у Мережковских.

⁴ Так сказать (франц.)

⁵ Устарело (итал.). Иванов имеет в виду не только определенные черты тематики и поэтики новой книги Блока, но и прямые цитации в ней — эпитафия из А. Григорьева (ср. выше, прим. 2), некрасовские «Коробейники», которыми заключалось предисловие к сборнику, образцы цыганки и Судьбы — цирковой наездницы также из предисловия.

⁶ Иванов многократно развивал эту тему в своих позднейших статьях о «русской душе». Например: «...вовсе не смешным представляется нам сказочный герой, домогающийся руки ужасной на вид, недугом искаженной царевны, тайна которой открыта его сердцу, и вот, когда ведет он невесту венчаться, безобразная пелена спадает с нее, и об руку с ним стоит желанная царь-девица. Обретение невесты, высвобождение сокровенной реальности из плена окутанших ее чар есть всегдашний и коренной мотив мужского действия» [15, с. 54], ср. там же, с. 148, а также [11, с. 64—65, 72].

⁷ Блок в докладе «Народ и интеллигенция» говорил о любви «по-народному» к России: «Это конкретная (...) любовь к родным лохмотьям, к тому, чего «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный», — приводит 6-ю и 7-ю строки из стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья». Иванов же напоминает 9-ю его строку.

3. ИВАНОВ — БЛОКУ

16.II.1910

Дорогой Александр Александрович,

Прийти я не могу, не потому что холодно отношусь к делу во имя незабвенной и отмеченной высокою печатью Веры Федоровны, которую люблю, — но потому что сегодня мне *нельзя*, по большой правде. Не знаю, как мог бы я говорить о ней на вечере, — верно, не сумел бы! Но считайте меня *Вашим* в этой мысли и этом единении ¹.

Мне жаль, что Вы не могли прийти, хотя думаю, что Вы более правы, чем неправы, не пожелав прийти. И, кроме того, если бы пришли, то пришли бы ко мне *одному* и видели бы меня одного ².

Мне было бы радостно, если бы Вы пришли в четверг в академию, где будет говорить о ямбе Андрей Белый ³. Я знаю, что *теперь* ни Вы, ни он не услышите друг друга. Я Вас *понимаю во всем* и во всем люблю. Мирить, не думайте, не хочу *вовсе* ⁴. Но все же я знаю, за что и почему могу любить его, т. е. Бориса, и люблю, хотя и знаю ту его виновность, которой он не может еще всецело мстить.

*Ваш сердцем
Вячеслав.*

На письме помета Блока: № 6.

Ответ на письмо Блока от 13 февраля 1910 года.

¹ 13 февраля Блок от имени группы деятелей культуры (актриса М. В. Ильинская, Е. В. Аничков, С. М. Городецкий, Г. И. Чулков) обратился к Иванову с просьбой принять участие в обсуждении вечера памяти В. Ф. Комиссаржевской, которое состоялось 16 февраля. На этом совещании у Ильинской присутствовали только Блок, Аничков и Чулков. Программа вечера, состоявшегося 7 марта, многократно менялась, (см.: «Речь», 1910, № 48, 18 февраля; № 55, 25 февраля; № 64, 7 марта; № 66, 9 марта; также и недатированное письмо Н. Бутковской к Чулкову — ГБЛ, ф. 371, к. 2, ед. хр. 62, л. 1—3). В конце концов и Блок, и Иванов выступили на вечере.

² Блок начал свое письмо, на которое отвечает Иванов, с объяснения: «Я не иду к Вам лично, а пишу Вам потому, что у Вас живет А. Белый» [6, с. 375].

³ Речь идет о выступлении Белого 18 февраля в так называемой «Поэтической академии» (или «Академии поэтов», или «Обществе ревнителей художественного слова») — в литературном кружке, первоначально собиравшемся на квартире Иванова, позже — при редакции журнала «Аполлон». В ответ на приглашение Блок писал Иванову: «Нет, я не хочу усложнять и без того сложного, и не придю завтра в академию. Понимаю, что Вы любите Б(ориса) Н(иколаевича). Целую Вас» [6, с. 376].

⁴ По-видимому, уверения Иванова — скорее «тактического» порядка; сам Белый подчеркивал мощный волевой напор Иванова, примиривший резко разошедшихся друзей [см. 16, с. 327; 17, с. 402].

25.III.1910.

Дорогой Александр Александрович, приходите завтра в «академию»¹ — я буду говорить о современном состоянии символизма и есть ли еще символизм (то, что вызвало «сенсацию» в наших кругах в Москве и идейный раскол с Брюсовым)². И я хотел бы вообще скорее Вас увидеть, но сегодня не могу быть.

*Любящий Вас
Вяч. Иванов.*

На письме — помета Блока: № 7. Открытка.
По содержанию оно тесно связано с двумя нижеследующими.

¹ Речь идет о докладе Иванова, прочитанном 17 марта в московском «Обществе свободной эстетики» и повторенном 26 марта в «Академии». В переработанном виде эти выступления были напечатаны под заглавием «Заветы символизма» в журнале «Аполлон» (1910, № 8). Печатный вариант выступления Иванова сильно отличается от первоначального, на что указывал еще В. А. Пяст [см. 18]. Текст ивановского доклада 26 марта хорошо восстанавливается по подробному его конспекту, сделанному Блоку [см. 2, с. 167—169].

² Выступление Иванова в Москве знаменовало собою начало новой перегруппировки сил и новой полемики внутри русского символизма и модернизма в целом (ср. прим. к письму Иванова от 3 апреля 1910 г.). 23 марта 1910 г. В. Я. Брюсов писал в связи с этим П. П. Перцову: «В нашем кругу, у экс-декадентов, великий раскол: борьба «кларистов» с «мистиками». Кларисты — это «Аполлон», Кузмин, Маковский и др. «Мистики» — это московский «Мусагет», Белый, Вяч. Иванов, Соловьев и др. В сущности, возобновлен дряхлый-предряхлый спор о свободном искусстве и тенденции. «Кларисты» защищают ясность мысли, слога, образов, но это только форма, а в сущности они защищают «поэзию, коей цель — поэзия», так сказал старик Иван Сергеевич (Тургенев). Мистики проповедуют «обновленный символизм», «мифотворчество» и т. п., а в сущности хотят, чтобы поэзия служила их христианству, была бы ancilla theologiae. Недавно у нас в «Свободной Эстетике» была великая баталия по этому поводу. Результат, кажется, тот, что «Мусагет» решительно отложился от «Скориона» в идейном отношении. Я, как Вы догадываетесь, всей душой с „кларистами“ [19]. Позже Брюсов занес в свой дневник: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в „Эстетике“ доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ивановым холодно» [20, с. 142].

5. БЛОК — ИВАНОВУ

⟨Петербург. 31 марта 1910 года.⟩

Дорогой Вячеслав Иванович,

сейчас пришла повестка из Академии, а я твердо рассчитывал на пятницу¹. Кроме того, что завтра мне мистически необходимо слышать «Зигфрида»², я не успел бы написать Вам ответ. Кажется, это и к лучшему. Хотя мне ясно уже, что говорить, но я затрудняюсь еще в формулировке.

Ваш Ал. Блок.

31 марта

Год проставлен по содержанию.

¹ Несомненно, Блок обещался выступить со своими соображениями по докладу Иванова о русском символизме сразу после собрания «Академии», где говорил Иванов. Но он рассчитывал, что следующее собрание состоится в пятницу, 2 апреля (а не 1-го, как указано у Е. Л. Белькинда [см. 6, с. 381]); повестка (текст которой нам неизвестен), по-видимому, переносила заседание общества на 1 апреля. Кроме того, Блок и вообще

сомневался в необходимости своего выступления, сколь важной ему ни представлялась бы его тема (см. прим. 1 к следующему письму).

² Речь идет об опере Р. Вагнера; ср. в письме к матери от 1 апреля 1910 г.: «Сегодня „Зигфрид“ так что я не иду в Академию. Еще больше, чем музыки, я хочу, однако, земли, травы и зари» [1, т. VIII, с. 305].

6. ИВАНОВ — БЛОКУ

3 апр(еля) 1910.

Дорогой Александр Александрович,

Прошу Вас — непременно читайте в четверг в «академии» о символизме, как потому что все этого с нетерпением ждут и хотят, так и потому, что это нужно и важно¹. В прошлый раз было десять речей — большею частью внешних и ненужных². Само собою разумеется, что меня мало понимают; ведь и Вас, вероятно, не вполне поймут³. Но я не боюсь (и Вам бояться не советую) этого непонимания; поймут двое-трое, зато те, кому это жизнь. И кроме того, учесть все же нельзя, как отзовется наше слово⁴. Во всяком случае, оно о жизни и вносит жизнь туда, где в ней нужда. Что есть эта нужда, видно уже из возбуждения всеобщего. Прежде же всего, нам несколько нужно говорить между собой⁵, — и как много выносят к нашему разговору прислушивающиеся жадно, покажут будущие всходы. — Будем идеалистами, коли уже на то пошло, забыв ложный стыд; и будем отучать других, робких и мнительных к «духу времени», от ложного стыда. В четверг назначены Ваша речь и мой ответ всем оппонентам. Все же общий итог, по моей оценке, благоприятный — в том смысле, что я открыл, где и не ждал, больше мысли и души, чем мог думать. А нам обоим отдельно очень пора хорошо о многом поговорить. И не бойтесь быть открытым и удалиться от границ моего доклада. Ведь и я все это говорю *о народе и нас*⁶... Целую.
Вячеслав.

На письмо помета Блока: № 8. В архиве Иванова (ГБЛ, ф. 109) имеется идентичная по тексту копия письма, снятая М. М. Замятиной.

¹ Доклад Иванова и обещание Блока ответить на него пришлось у Блока к поре резкого оттапливания от всех форм литературной деятельности, кроме собственно поэтической, «чуждения всякой словесности», в чем проявлялось и закреплялось с годами растущее и сознательно выстраиваемое внутреннее и литературное одиночество поэта — см. его письма к Л. Я. Гуревич от 9—14 апреля 1910 г. [1, т. VIII, с. 309], а также письмо к В. П. Кривичу от 13 апреля. Это устремление прочь от литературы во многом объясняет нерешительность работы Блока над одним из важнейших его выступлений. Он уклонился от заседания в «академии» 1 апреля; еще 5 апреля, получив комментируемое письмо Иванова, Блок писал матери: «Я терзаюсь статьями, мне тошно от рассуждений, хочется быть художником, а не мистическим разговорщиком и не фельетонистом. Мне кажется, что, когда эта пройдет, я опять помолодею. <...> Может статься, что я брошу и начатый фельетон и ответ Вячеславу» [21, с. 69]. А когда уже был готов текст выступления, Блок остался им недоволен: «Сегодня я буду говорить в Академии — довольно пространно, не особенно живо, и надеюсь потом замолчать надолго, т. е. не писать статей и не теоретизировать» [1, т. VIII, с. 306].

Вяч. Иванов принял восторженно выступление Блока, которое состоялось, видимо, благодаря его уговорам [см. 22 с. 140]. Блок же и после чтения был выступлением не удовлетворен: «Я читал в Академии доклад, — сообщил он матери 12 апреля, — за который меня хвалили и Вячеслав целовал, но и этот доклад плохой и словесный. От слов, в которых я оковчательно запутался и изолгался, я, как от чумы, бегу в Шахматово» [1, т. VIII, с. 307]. В тот же день он писал и Е. А. Зноско-Боровскому в ответ на предложение напечатать это выступление в «Аполлоне» одновременно с речью Иванова: «Мое сообщение никак не следует печатать. Ведь это — дела домашние». Публике решительно не должно быть дела до того, как мы живем, ей нужны результаты; и напечатанное — потеряет последнее, что было; для меня это сухой Бедеркер, а для публики — тарбарская грамота. Другое совсем дело — доклад Вух. Иванова,

на который я ведь только отвечал; там — математическая формула, здесь — ученический рисунок. <...> Право, не надо печатать» [1, т. VIII, с. 308]. И только с течением времени поэт осознал значительность своего выступления [см. 1, т. VIII, с. 315; 2, с. 309].

² Речь идет об обсуждении доклада Иванова на заседании «поэтической академии» 1 апреля 1910 г.

³ В составе «академии», собиравшейся в это время при журнале «Аполлон», все явственнее обнаруживались устремления к «преодолению символизма», в скором времени осуществившиеся в самоопределении «акмеистов». Оба мэтра символизма, Иванов и Блок, хорошо сознавали враждебность этих новых веяний (ср. прим. 2 к письму Иванова от 25 марта 1910 г.) собственным жизненным и эстетическим ценностям. В выступлении Блока 8 апреля 1910 г. едва прикрыт резкий выпад против «кларизма» и «адамизма», перечеркивавших «заветы символизма» (так назывался доклад Иванова). Двумя неделями раньше о том же говорил и Иванов, целя явно в тех же своих слушателей, что и Блок, позже: «Легче и посильнее было бы выйти из заклятого круга «антитезы» отречением от навыка заоблачных полетов и внеличных чувствований — капитуляцией перед наличною „данностью“ вещей. Этот процесс обескрыления закономерно приводит остепенившихся романтиков <...> в области собственно „поэзии“ — к изяществу шлифовального и ювелирного мастерства, с любовью возводящего „в перл создания“ все, что ни есть „красивого“ в этом, по всей видимости, литературнейшем из миров» (и т. п., в чем легко угадываются лозунги и некоторые черты поэтики М. Кузмина, Н. Гумилева и др.) [11, с. 138—139; см. с. 124, 144]. Ср. тот факт, что Блок при своем конфликте ивановского доклада пометил только свои соображения к нему — одну реплику, и две — именно «парнасцев», «кларистов»: «Замечание Вяч. Иванова. Символизм хочет говорить правду, парнасизм — под знаком le rêve (мечтанье (франц.) — Н. К.) „А что такое правда?“ — спросил Кондратьев. И Гумилев делает замечание» [2, с. 170]. Как следствие столь заостренной критики эстетических программ нарождающегося акмеизма, Иванов и Блок естественно сталкиваются в «академии» с враждебным непониманием многих слушателей.

⁴ Парафраза начальных строк стихотворения Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

⁵ В этих словах Иванова формулируется замысел нового символистского журнала, дающего возможность читателям «прислушиваться» к тому, что «несколько» поэтов говорят «между собой» — ср. ниже, в письмах от января 1911 г.

⁶ По-видимому, Иванов уже знал, что Блоку его слово о русском символизме представлялось всего лишь попыткой «конкретизировать то, что говорит В. Иванов, раскрыть его терминологию, раскрасить свои иллюстрации к его тексту», дать путеводитель — Бедкер для путешественников [1, т. V, с. 426]. Выступление Блока действительно в десятках мест пересекается по мысли и ее предметному наполнению с докладом Иванова. О том, что Блок на чтение Иванова в «академии» пришел с установкой доверия и готовности «учиться» (как не однажды он говорил годами ранее, например: «Вячеслав Иванов в „Весах“ <...> — вот это истинный „тон“, можно послушать»; «Я хотел бы иметь своими учителями <...> Вяч. Иванова, <...>» [2, с. 115, 145]), свидетельствует сама форма подробной и последовательной, с первых слов до последних, словно бы студенческой записи именно этого доклада Иванова (ср. подобные — нечастые у Блока, всегда только важнейших, «учительных» или рабочих в данные минуты источников — контакты из Ницце, книг по театру, записи итальянского путешествия, в отличие от записей продолжения путешествия по Германии и т. п. [2, с. 78—84, 98—100, 133—148]). Не случайно слово Блока «О современном состоянии русского символизма» возникает в контексте настоятельных блоковских призывов к «послушанию», «ученичеству» [ср. 1, т. VIII, с. 308], которыми он и закончил свое выступление.

7. ИВАНОВ — БЛОКУ

〈Петербург. 19 января 1911 года.〉

А мне, на другой день, все, о чем было говорено, совсем уже не понравилось, и показалось, что во всем какая-то ложь...

Датировано по помете Иванова: «Разговор с Ал. Блоком. 19 января 1911»; на том же листе — ответ Блока на эту записку (см. ниже).

К осени 1910 г. В. Пяст в своих воспоминаниях относит зарождение у него — под влиянием Е. В. Аничкова — замысла издавать новый журнал — орган тех, что оставался верен «заветам символизма». Мемуарист сообщает, что «поздней осенью 1910 го-

да» [23, с. 183] он познакомил Блока с этим планом; записки Пяста грешат, как известно, многочисленными фактическими неточностями, но не подлежат сомнению по существу дела его слова: «А. А. Блок серьезно и горячо принял к сердцу мысль о журнале. В течение всей зимы мы обсуждали ее на все лады» [23, с. 135]. Впервые Блок упоминает о новом литературном предприятии в письме к матери от 6 января: «Вчера вечером был Пяст, который хочет издавать новый журнал; просидел до 6-го часа ночи» [21, с. 109]. План быстро вызревает, 13 января Блок поверяет матери «секрет до 15 февраля: мы затеваем журнал, пока маленький, с будущего года — большой. Редакционная комиссия — Пяст, Аничков и я. Ближайшие сотрудники — Вяч. Иванов, Ремизов, Верховский и Книжнин и мы трое. Инициатор — Пяст. Все это только разрабатывается, но 1 № должен выйти 15 февраля. <...> Завтра придут Пяст и Аничков для продолжения совещаний» [21, с. 111]. 17 января Блок подробно излагает все намеченное А. Белому и приглашает его сотрудничать в будущем журнале [см. 24, с. 246].

В тот же день Блок и Пяст встречаются по делу издания с Ивановым: «Постоянно видимся с Пястом и думаем и хлопочем о журнале... Сегодня идем с Пястом к Вяч. Иванову» [21, с. 112]; в литературе [см. 10] ошибочно датирована эта встреча 18 января; неправильно и отнесение там же к этому разговору фразы Блока: «Мне этот последний план всех заманчивей, конечно», так как тут поэт имеет в виду предложение, выдвинутое Ивановым в его печатаемом ниже письме от 20 января. По-видимому, с этой встречи 17 января начинается крушение вчера еще налаживавшегося журнала, о чем сам Пяст вспоминал так: «<...> некоторые затруднения, однако, отнюдь не материального характера, встретились только при осуществлении сношений наших с Вячеславом Ивановым. В общем, дело сводилось к тому — что А. Блок в скором времени мне написал, — что по его, Блока, мнению, „ни мне, ни ему, Блоку, не подобает играть руководящие роли в этом журнале“» [23, с. 187]. Явная нота мемуариста — все провалилось, так как Иванов захотел главенствовать — недоброжелательное перетолкование происшедшего; во всяком случае, печатаемое ниже подробное письмо Иванова по этому поводу не дает оснований к такому выводу, оно могло лишь пробудить и стимулировать собственные сомнения Блока, повлекшие за собою и его охлаждение к замыслу журнала.

Способствовала проявлению этого настроения у Блока сама атмосфера, в которой проходил обмен мнениями по поводу затеваемого издания, — два дня спустя поэт писал: «Журнал (т. е. проект его) влечит довольно жалкое существование под напором Вяч. Иванова и его несогласий. Я не могу разобрать, охладел я окончательно или не охладел. После всех литературных чтений (как третьего дня), руки опускаются, и перестаешь понимать, зачем и для чего и для кого пишешь и читаешь?» [21, с. 112—113]. Именно «третьего дня» Иванов с Блоком и обменялись записками во время неудачного, по мнению Блока, заседания памяти Вл. Соловьева в петербургском религиозно-философском обществе. Вероятно, записки продолжили прерванный разговор в кулуарах — ср. диалогический приступ у Иванова: «А мне...».

8. БЛОК — ИВАНОВУ

〈Петербург. 19 января 1911 года.〉

Я так и думал. А Вы были как-то особенно гениальны, в Вас был большой ветер, а мы принесли свое в виде карточного домика. Однако, к чему еще придем, — не знаю.

Комментарий см. при предыдущем письме.

9. ИВАНОВ — БЛОКУ

〈Петербург.〉 20 января 〈1911 года〉 ночью.

Дорогой Александр Александрович,

Мне только что пришло в голову вот что, — и мне захотелось немедленно же сообщить это Вам, без всяких разъяснений, потому что смысл моего предложения должен быть и будет Вам ясен без лишних слов. Если Вам думать, что Вам рано писать Дневник Писателя одному и ради этого Вы оглядываетесь по сторонам, ища — не найдется ли, хотя бы напрокат, какого-либо «мы», то... давайте издавать Дневник трех поэ-

тов, в котором мы на первом месте заявим, что пишем вместе, под одним заголовком, потому что просто так хотим, но не стремимся ни к единогласию, ни даже к гармонии трех безусловно не зависящих один от другого отделов, — не боимся даже и тройных повторений одной мысли, если таковые случатся, одним словом — не читаем друг друга, и все это потому, что знаем, что жили и живем *об одном*. Трое, конечно, — Вы, Андрей Белый и я. Можем как-нибудь сложиться что ли, Вы, «Мусaget» и «Орь»¹ — или же, быть может, издание возьмет на себя «Мусaget». Ведь «Мусaget» и я давно, как Вы знаете, подумывали о периодическом издании совсем иного, чем обычно бывает, порядка.

Любящий Вас
Вячеслав

На письмо помета Блока: № 9.

Письмо продолжает обмен мнениями по поводу нового журнала, реплики из которого сохранились в виде двух предыдущих записок. Предложение Иванова, предшествовавшее его письмам от 20 и 21 января, и поворот, наметившийся в переговорах, Блок зафиксировал в письме к матери от 21 января 1911 г.: «Вячеслав убеждал меня издать „дневник писателя“, а теперь, после моего отказа, предлагает издать дневник трех писателей, с совершенно независимыми тремя отделами, объединенный только тем, что все три (А. Белый, он и я) „живут об одном“. Этот последний план всех заманчивей, конечно. Остается репаться нам с Пястом». Тут же Блок отмечает уже и реальные факты распада первоначального ядра журнала: «Аничков охладевает к журналу, а мы — к Аничковским пыльным статьям...» [24, с. 143; ср. 1, т. VIII, с. 327—328]. Возможность ведения Блоком публичного «дневника писателя» обсуждалась, по-видимому, 18—19 января 1911 г.

Пяст ошибочно относит предложение Иванова издать «дневник трех поэтов» к лету 1911 г. (так нужно в его контексте понимать слово «следующего», ибо все январские переговоры по поводу журнала он помещает в конец 1910 г.). Но безусловно справедливо его указание на связь этого замысла с такими начинаниями Блока — Белого — Иванова, как «Труды и Дни» издательства «Мусaget» и алкопостовские «Записки Мечтателей».

В целом этот замысел Иванова есть развитие традиционной в русской журналистике XIX в. «колонки» редактора или ближайшего сотрудника, заполнявшейся часто материалами эссеистического характера, свободными по жанру «письмами», — ср. «Дневник писателя» Достоевского, «Письма провинциала» Суворина и т. п.; в качестве прецедентов в печатных органах символистов и близких к ним можно указать рубрику А. Белого в «Весах» — «На перевале», личный раздел в «Новом Пути» — «Без плана» — С. Н. Булгакова.

¹ Речь идет о московском издательстве «Мусaget», ставшем в начале 1910 г. цитаделью «младших символистов»; главные роли играли в нем Андрей Белый, Э. К. Метерер, Эллис; Блок и Иванов были «ближайшими сотрудниками». «Орь» — издательство, организованное в 1907 г. Ивановым в Петербурге; деятельность (его в общем ограничилась именно этим годом, но за Ивановым сохранялись юридические права, и позже время от времени под маркой этого издательства выходили книги).

10. ИВАНОВ — БЛОКУ

⟨Петербург.⟩ 21 января 1911 года.

Дорогой Александр Александрович,

Нельзя говорить «мы» из уступчивости, нельзя — с общим снисхождением, нельзя — на время, нельзя — нецельно. Вам, лично Вам можно говорить «мы» только тогда, когда это слова значат: «во Имя».

Нельзя, идя в путь на дело, растрчивать силы по дороге. Заклучая союз, нельзя думать о разводе. При «безответной службе» нужно быть (как и всегда, впрочем, но при этой «службе» особенно) — «холодным или горячим»¹. Равнодействующая разных горений дает температуру среднюю. Соединяться нужно с тем, кто душевно *нужен*; союз с тем, кто внешне

нужен или только пригоден и полезен, — ложь. Попытка предварительного, половинного действия возьмет больше сил, чем Вы думаете. Боюсь, как бы эта попытка не ослабила Вас, а ее неудача — действительности Вашего влияния. «Любить, медлить, кто замыслил большое дело», — говорит Софокл (φιλῆι γὰρ ὀκνεῖν πράγμα ἄνῃρ πρῶτων μέγα)². «Дневник троих» не осуществится, если будет сначала «ни то ни се — семерых». Умолкаю. Писал по чувству долга. Должен был напомнить «во Имя» — спросить: во имя чье и какое соединились те, кто соединились, чтобы натянуть лук и спустить стрелу?

Любящий Вас
Вячеслав Иванов.

На письме помета Блока: № 10. Год — по содержанию.
Комментарий см. также при предыдущем письме, которое настоящее продолжает.

¹ Евангельская цитата: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение Иоанна, 3, 14—16).

² Из трагедии Софокла «Электра», стих 316.

11. БЛОК — ИВАНОВУ

⟨Петербург.⟩ 30 января 1911 года.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Да, спасибо за письмо, кажется, журнала не будет. «Во мне» его нет вовсе. Из всех, о ком мы говорили тогда, и кого имели в виду, — «во Имя» у меня только с Пястом — и вовсе не журнальное; мое к нему отношение — не «теплое»¹. — А 10-го надо быть в Москве².

Любящий Вас
Ал. Блок

Год проставляется по содержанию.

Ответ на предыдущие письма и, быть может, на неизвестное нам еще одно письмо Иванова; в тот же день Блок говорил В. А. Пясту: «... сегодня я опять получил от него [Иванова. — И. К.] письмо» [1, т. VIII, с. 327]; обычно внутригородские письма в Петербурге доставлялись в тот же день или на следующий, т. е. письмо от 21 января должно было бы оказаться у Блока 22 января. Кроме того, в различных письмах мы не видим таких выражений, которые оправдывали бы слова Блока о том, что Иванов «окончательно против» (см. ниже, прим. 1). В тот же день поэт писал, что журнала не будет, Пясту [см. 1, т. VIII, с. 327—328], матери [см. 21, с. 13] и А. Белому: «Журнал, конечно, расстраивается, так что все мои просьбы к Тебе — напрасны» [24, с. 247]. Однако замысел нового журнала «младших символистов» не был оставлен, хотя индигатива позднее исходила уже не от Блока, а от Иванова и главным образом от Белого (см. письмо Блока к последнему от 6 июня 1911 г. [1, т. VIII, с. 345]), так родились «Труды и Дни».

¹ См. прим. 1 к письму Иванова от 21 января. Ср. в цитированном выше письме к Пясту: «Все эти дни я искал в „себе“ журнала — и не нашел ни следа. Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Иванова, который окончательно против) (...) связаны только мы с Вами — но не журнально» [1, т. VIII, с. 327—328].

² На заседании памяти В. Соловьева, куда Блок по болезни не поехал; его речь о Соловьеве читал в заседании М. И. Сизов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Собр. соч. Т. I—VIII. М. — Л., 1960—1963.
2. Блок А. А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965.
3. Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1969.
4. Белый Андрей. На перевале. I. Кризис жизни. Пб., 1918.

5. *Иванов Вяч. И.* Собр. соч. Т. I—II. Брюссель, 1971—1974.
6. *Белькинд Е. Л.* Блок и Вячеслав Иванов.— В кн.: Блоковский сборник. II. Тр. II научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока Тарту, 1972, с. 365—384.
7. *Ермилова Е. В.* Поэзия «теургов» и принцип «верности вещам».— В кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975, с. 186—206.
8. *Медведева К. А.* Послание Блока «Вячеславу Иванову».— В кн.: Структура литературного произведения. Межвузовский сборник. Вып. 2. Владивосток, 1978, с. 73—80.
9. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1975—1979.
10. *Quinquagenario.* Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972, с. 206—208.
11. *Иванов Вячеслав.* Борозды и Межи. Опыт эстетические и критические. М., 1916.
12. *Ivanov Vyacheslav.* Literary Chronicle.— The Russian Review, 1912, № 2, p. 145—149.
13. *Пайман Аврил.* Материалы к библиографии Александра Блока (зарубежная литература).— В кн.: Блоковский сборник. Тр. научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964, с. 557—573.
14. *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания.— Новый журнал, 1955, т. XLIII.
15. *Иванов Вяч.* Родное и Вселенское. М., 1918.
16. *Белый Андрей.* Начало века. М.— Л., 1938.
17. *Белый Андрей.* Между двух революций. Л., 1934.
18. *Пяст В.* Нечто о Каноне.— Труды и Дни, 1912, № 1, с. 29—31.
19. *Брюсов В. Я.* Письма к П. П. Перцову. 1903—1910 / Публ. и предисл. Лелевича Г.— Печать и революция, 1926, № 7, с. 40—47.
20. *Брюсов Валерий.* Дневники. М., 1927.
21. *Блок Александр.* Письма к родным. Т. II. М.— Л., 1932.
22. Судьба Блока. По документам, воспоминаниям, письмам, дневникам, статьям и другим материалам / Сост. Немировская О. и Вольпе Ц. Л., 1930.
23. *Пяст В.* Встречи. М., 1929.
24. *Блок Александр, Белый Андрей.* Переписка. М., 1940.

ОБЗОР

С. А. ЧАКОВСКИЙ

ОПЕРАЦИОННЫЕ ГРАНИЦЫ АНАЛОГИИ «ЛИТЕРАТУРА КАК ЯЗЫК» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 70-х ГОДОВ

Казалось бы, вполне ясно, что художественное произведение как объективное материальное единство должно составлять основной, первичный объект исследования в литературоведении. Парадокс заключается, однако, в том, что судить о художественном произведении легче всего с позиций «других» наук и труднее всего с точки зрения собственно литературоведения. Существует ли такая точка зрения? Почему и сегодня некоторые исследователи (с достаточным основанием) задаются вопросом: «Зачем мы изучаем художественное произведение? Что вообще означает „изучать“ его?»

На протяжении последних десятилетий мы сталкиваемся — прежде всего, но не исключительно в западной критике — с регулярными попытками уйти от решения этого вопроса за счет принижения статуса индивидуального художественного произведения как объекта исследования. При естественной смене школ и направлений, при всей остроте полемических столкновений создается ощущение некоторого замкнутого круга, по которому движется литературоведение в данном отношении. Англо-американские «неокритики» (а до них представители русской «формальной школы» и пражские лингвисты), утверждая первородность и высшую ценность отдельного художественного произведения как объекта изучения, на самом деле пытались выработать и вырабатывали лишь общие правила чтения и интерпретации. Французский структурализм и «семиология», как известно, энергично выступили против полемически декларированного (но на практике никогда не осуществленного) «неокритического» отношения к художественному произведению как к «замкнутому единству». В то же время объективно они всецело опирались на неокритический принцип «пристального чтения», со всей возможной последовательностью выражая отношение к анализу художественного произведения как к предлогу для изучения процесса чтения. Для англо-американского литературоведения с конца 60-х и в 70-е годы также характерна весьма радикальная переориентация внимания с художественного произведения как такового на процесс его восприятия, проводимая под знаменем семиотики, лингвистики, а также рецептивной эстетики.

Современная литературоведческая семиотика, привлекая к себе внимание, возбуждая критику и споры чрезмерно скрупулезным (как казалось многим, самоцельным) анализом «художественной структуры» произведения, на самом деле принципиально ориентирована от индивидуального к общему, т. е. интересуется конкретно данной структурой лишь в той степени, в какой она характеризует некую инвариантную систему конвенций, условно именуемую «языком» литературы.

В современном литературоведении и искусствоведении термин «язык» все чаще употребляется в широком семиотическом значении: знаковая система, кодирующая и передающая некоторую информацию. В свое время